

Лабутина Ирина Геннадьевна

преподаватель кафедры социологии
и культурологии
Кубанского государственного
аграрного университета
тел. (961) 52-48-480

МЕНТАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация:

В настоящей статье ментальность рассматривается сквозь призму натуралистического, социолингвистического, психологического, философско-исторического и историко-социологического подходов.

Ключевые слова:

ментальность, этноцентризм, «народная душа», «сверхиндивидуальный интеллект», «вторичная перекодировка».

Labutina Irina Gennadievna

lecturer of the chair of
sociology and culturology,
Kuban State Agricultural University
tel. (961) 52-48-480

MENTALITY IN THE ASPECT OF PROBLEMATIC FIELD OF RESEARCH

The summary:

In this article the mentality is seen through the prism of naturalistic, social and linguistic, psychological, philosophical and historical and sociological approaches.

Keywords:

mentality, ethnocentrism, people soul, extra individual intellect, secondary recoding.

Истоки ментальности (от лат. mens, mentis – ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) как научной категории следует искать в эпохе Просвещения. В частности, на генезис интересующего нас понятия не могли не повлиять масштабные общественные изменения, которые отодвинули на второй план дифференциацию социального мира по религиозному признаку, сделав ставку на национальный критерий. Именно базирующийся на универсализме прогрессивных изменений проект Просвещения обусловил введение в научный обиход и таких понятий, как «национальный характер», «народный дух» и т.п. Остановимся на основных направлениях, сложившихся в социальной философии XVIII–XX вв., прямо или косвенно затрагивающих определенные содержательные стороны ментальности.

Натуралистический подход, методологическими предпосылками которого послужила как дарвиновская теория, так и стремление зарождающейся психологии доказать, что ум человека не только не обуславливает сам себя, но и не является изначальной способностью, представлен: социал-дарвинизмом и биологическим редуционизмом. В первом случае имеется в виду установка, согласно которой разумное поведение человека – это всего лишь усовершенствованный механизм ассоциаций и автоматических реакций, присущих животному миру (И. Тэн). При этом необходимо помнить, что в природе человека изначальным заложено конфликтный принцип, в рамках которого главной движущей силой борьбы против «чужих» объявляется этноцентризм (Л. Гумплович). Речь идет о ситуации, когда каждый народ убежден в том, что именно он занимает самое высокое место как среди современных народов и наций, так и в сравнении со своими предшественниками. Во втором случае суть биологического редуционизма находит свое воплощение в утверждении о том, что именно биологическая наследственность служит основой социального поведения, обуславливая расовую иерархию и, как следствие, неравенство культурных творений соответствующих народов.

Специально заметим, что некоторая упрощенность натуралистического подхода все же не отменяет содержащегося здесь рационального зерна. Качества, составляющие особенность конкретного этноса, признаются большинством современных ученых. Несмотря на то, что методологический принцип, на котором основаны работы натуралистов, довольно близко соприкасается с научными разработками, акцентирующими внимание на связи культуры и природных факторов (географический детерминизм Л. Гумилева, В. Милова и т.п.), вряд ли оправдано сводить происхождение этих черт исключительно к биологической предрасположенности.

В рамках *философско-исторического подхода* понятие «национальный характер» трактуется в большей степени на уровне метафизических категорий. Имеется в виду тот факт, что присущее школе Просвещения требование универсальности сочетается здесь с мультилинейным принципом. Признавая универсальность целей общественного развития, Гердер указывал на уникальность как исторической эпохи, так и каждого, отдельно взятого народа [1]. Исто-

рические памятники (например, римское право) есть порождение, прежде всего, духа создавшего их народа. Упомянутый народный (национальный) дух в свою очередь во многом определяется внешними географическими, политическими, экономическими условиями.

Объективный идеализм Гегеля выделяет три формы духа: «субъективный дух», воплощенный в индивидуальном сознании, «абсолютный дух», которому немецкий мыслитель придает значение мировой субстанции и, наконец, «объективный дух», воплощенный в сознании народа, нации. Проходя в своем развитии несколько ступеней (право, мораль, нравственность), свое высшее воплощение объективный дух реализует посредством государства. Именно в государстве обнаруживается воля мирового (абсолютного) духа, увязывающая частные и общие интересы через универсальные представления о добре, праве, обязанностях.

Психологический подход можно считать в некотором роде мостиком между методологическими принципами философско-исторического и натуралистического подходов. Будучи сторонниками Гегеля, представители так называемой «народной психологии» (Х. Штейнталь, М. Лацарус) трактовали «народную душу» как проявление объективного духа: языка, религии, искусства, права, культуры. Несколько позже В. Вундт ограничил рамки названного феномена, видя в народной душе не столько субстанцию, сколько действующего субъекта.

По мысли другого ученого, выступившего разработчиком теоретического феномена толпы, народная душа включает три основных элемента: общие чувства, общие интересы, общие верования. Также основой любой общественной системы у Г. Ле Бона выступают сложившиеся в обществе представления (верования), которые делятся на две категории: представления врожденные, то есть преемственно унаследованные или возникшие под влиянием чувств, и представления приобретенные, или умственные [2]. В то же время констатируется однозначный приоритет первых над вторыми. В русле психологического подхода следует упомянуть и концепцию виднейшего представителя аналитической психологии К.Г. Юнга, разработавшего понятие «коллективного бессознательного». В центре юнговской теории лежит понятие архетипа – априорно заданной предрасположенности к восприятию внешнего мира. В архетипах фактически заключен коллективный исторический опыт. В то же время К.Г. Юнг считает, что содержания коллективного бессознательного никогда не находились в сознании и, таким образом, никогда не приобретались индивидуально, но обязаны своим существованием исключительно наследственности [3].

Существенный вклад в понимание источников ментальности внес *историко-социологический подход*, основания которого были заложены Э. Дюркгеймом. Заостряя внимание на мировоззренческих стандартах, выработанных в ходе совместного проживания в условиях определенного природного и социально-исторического контекста, эту значимую в социальных масштабах теоретическую систему Дюркгейм определяет как «коллективное сознание», которое, по сути дела, образует фундамент духовной традиции. Отсюда следует, что коллективное сознание есть духовное отражение специфики общества, совокупности условий его существования. На разных исторических этапах оно может изменяться и даже отходить как бы на второй план, знаменуя доминирование индивидуального сознания, однако в моменты различного рода социальных катаклизмов всеобщность коллективных представлений легко восстанавливается. Дологическое мышление и «коллективные представления» так называемых «примитивных народов» оказываются в центре внимания последователя Дюркгейма Л. Леви-Брюля. Именно ему ставят заслугу введение в научный оборот термина «ментальность».

Во второй половине XX в. в центр научных трудов «новой исторической науки» были поставлены воззрения народа, эмоции и мысли обычного человека. Анализируя движущие механизмы их социального поведения, представители французской школы «Анналов» стремились скорее воссоздать миропредставления и умонастроения людей изучаемой им эпохи, нежели реконструировать раз и навсегда ушедший объективный мир. По сути, традиция именно этой школы определяет ментальность фундаментальной категорией, относя ее к области автоматических форм сознания и поведения. Примечательно, что в коллективных ментальностях в первую очередь признавались не биологические, но социальные основания. Видя в них процессы «вторичной перекодировки» картины мира с помощью знаковых систем, Л. Февр и М. Блок первыми показали возможности расшифровки этих семиотических воплощений, в рамках которых «ментальное» балансирует между осознаваемым, очевидно структурированным (религия, идеология, мораль, эстетика и т.п.) и неосознаваемым, запечатленным в коллективной, а отчасти – и в индивидуальной психике людей.

Близкий по своей методологической позиции школе «Анналов» российский ученый А.Я. Гуревич приходит к следующей мысли: изучение субъективной стороны исторического процесса выявляет не только волю, намерения различных общественных субъектов, но и механизмы преобразования их реальных интересов в движущие побудительные мотивы к действию.

При этом необязательно мотивы являют собой выражение классовых или иных материальных интересов: сплошь и рядом они оказываются производными от тех идеальных моделей, которые сформированы в сознании народа культурой, религией и всякого рода традициями [4].

Помимо обозначенных, также заслуживает упоминания *социолингвистический подход*, выработанный «школой семиотики» или тартуско-московской школой. Ведущий представитель этой школы Ю. Лотман понимал социальную сущность культуры как «сверхиндивидуальный интеллект», органически дополняющий пробелы индивидуального сознания. За объект анализа принималось семиотическое пространство, внутри которого происходят интенсивные процессы духовного обмена и выработка новой информации. В свою очередь, М.М. Бахтин показал перспективность изучения потаенных пластов общественного сознания, тесно связанных с повседневной жизнью людей (например, «карнавальная смеховая культура», характерная для средневековья).

В рамках обозначенного подхода обращает на себя внимание теория языковой относительности, авторы которой – Э. Сепир и Б. Уорф – считают язык главным источником мировосприятия. По мнению Э. Сепира, реальный мир в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм каждой конкретной группы. Причем, события реальности не столько механически описываются, сколько отбираются и интерпретируются. Тем самым, если люди говорят на различных по грамматическому строю языках, то они живут в разных культурных мирах, неодинаково воспринимая действительность.

Подытоживая все вышеизложенное, остановимся на следующих моментах. Во-первых, ментальности выражают, прежде всего, внеличностную сторону общественного сознания. Субъектом ментальностей является не индивид, а социум. Они проявляются в словесном языке (вербальной культуре общества) и языке жестов, в поведении, обычаях, традициях и верованиях. В то же время составным элементом ментальности являются бессознательные структуры, которые обязательно следует принимать во внимание при исследовании обозначенного явления. Во-вторых, своеобразной чертой ментальностей является их открытость, незавершенность, континуальность, диффузная природа. Если идеология (другой очень важный духовный феномен) представляет собой законченную продуманную концептуальную систему, то ментальность как бы «разлита» по всему культурному пространству и общественному сознанию. В связи с этим обстоятельством можно предположить, что ментальность может скрывать в себе больший динамический потенциал, чем политическая доктрина, поскольку является более открытой для различного рода факторов. С течением времени интенсификация общественной динамики существенно отражается на духовных явлениях, что вносит определенные коррективы в научное осмысление ментальности.

Ссылки:

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
2. Ле Бон Г. Психология социализма. СПб., 1995.
3. Юнг К. Г. Сознательное и бессознательное. СПб., 1997.
4. Гуревич А. Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. № 4.

References (transliterated):

1. Gerder I. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. M., 1977.
2. Le Bon G. Psikhologiya sotsializma. SPb., 1995.
3. Jung K. G. Soznatel'noe i bessoznatel'noe. SPb., 1997.
4. Gurevich A. Y. Sotsial'naya istoriya i istoricheskaya nauka // Voprosy filosofii. 1990. No. 4.